

Борис Алексеев

МЫ ВСТРЕТИМСЯ

**1993 год
Белый дом
кровь...**

16+

Борис Алексеев

Мы встретимся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42537422

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта небольшая книжка предложит читателю окунуться в события 25-ти летней давности. Речь на страницах книги пойдёт о героической обороне горсткой добровольцев Белого дома в октябре 1993-го года. Тема эта сложная и до сих пор официально закрытая. Тем важнее смысл публикации книги. Факт существования подобного текста является ещё одним подтверждением простой истины: «Правда – это непотопляемый корабль в море нашей надежды на право жить по законам чести и добра!»

Борис Алексеев

Член Союза писателей России, резидент РЛЦ

alboros@list.ru

тел. +7(916) 121-73-30

Для публикации в «Энциклопедии прозы и публицистики»

Мы встретимся! (рассказ)

Вступление.

В жизни человеку сопутствует огромное количество так называемой «житейской ткани». Эта ткань, как рыбацкая сеть, с годами обнимает нас плотным покровом. С одной стороны, её наслоения являются защитой от непогоды и стрел врага, с другой – сковывают движения, заставляют почувствовать власть времени и личную несвободу. Единственное, над чем не властны житейские ткани, – это дух. И если тело не в силах порой разорвать сети, вернее, путы времени, то дух наш дышит, где хочет. Он свободен!

Глава первая. Осада

Тихону выпало родиться в семье художников. Так распорядилась судьба. Хотя, наверное, неправильно говорить

о судьбе как о категории творческой. Фаталисты утверждают: судьба – историческая константа, вписанная в мировой порядок вещей гораздо раньше рождения самого человека. Звучит заумно, но утвердительно.

Когда Тише исполнилось восемь лет, случились печально известные октябрьские события 1993-го года. Сейчас мало кто помнит, с чего началась вся эта безумная братоубийственная вакханалия.

Указ Ельцина № 1400, восстание москвичей и баррикады вокруг Белого дома. Ранним утром 4-го октября штурм правительственными войсками непокорной «хазбулатовской республики», тысячи (так говорят) убитых без суда и следствия российских граждан, показательный расстрел здания из танковых орудий, ликование нелюдей на Калининском мосту и Москва-река, красная от русской крови, стекающей по канализационным желобам...

– Артёмушка, оставь Тихона, не бери! Мальчику в школу завтра. Не надо ему с президентами спорить!

– Вер, пойдём с нами! Поглядишь, как делается история, которую он учит в школе.

– Нет, Артём, я не пойду. Негоже нам, чадам церкви, о земном попечительствовать. И тебе не советую. И сына оставь, не марай!

У Артёма по лицу пробежала тень смущения. Он нахмурился.

– Вера, милая, отпусти! Мужик на Руси веками за правду стоял. Что ж теперь изменилось?

С минуту они стояли молча, потупив головы.

Вера под села к сыну:

– Тиша, от папы никуда, понял? Идите...

Уже смеркалось, когда Артём с сыном подошли к баррикадам.

– Мальца-то зачем привёл? – обернулся к Артёму усатый мужчина почтенного возраста, выкладывая из профессорского портфеля завёрнутые в газетку бутерброды. – Тут, поди, скоро жарко станет.

– А затем, – отозвался Артём, – как же я потом расскажу

ему о вас и ваших потрясающих бутербродах?

– Да вы угощайтесь! – всполошился собеседник. – Простите дурака, сам не догадался предложить.

– Ну что вы, у нас самих полно, а вам – ангела за трапезой!

– С ангелом, это хорошо. Это, выходит, как в будущее оглянуться. Простите... вы верующий?

– Жена моя – христианка. Такого ортодокса в юбке днём с огнём не сыщешь! А я который год смотрю на неё, слушаю других и всё о своём думаю. Мы – художники. Живём не умом, а сердцем. Пока сердце не поманит, ум не откликнется.

– А как же вы здесь оказались? По мне, заумное тут творится безобразие. Где русская необходимость, где личный интерес – не отличить. Вон те, что на балконе, до хрипоты раскричались. А я-то гляжу, страшно им, страшно! И назад им ходу нет – свои же заключают, и вперёд боятся глянуть, мол, как с ними, раскольниками, Борис Николаевич поступит. А то махнёт лишний стакан – и пересажает их всех, ядрёна вошь, лет на десять. Не верят они в нашу победу, чую сердцем, не верят!

– Я вам скажу секрет. Вы только не удивляйтесь, я понятия не имею о сути происходящего. Меня привёл товарищ, привёл силком, ну какой я политик. Однако гляжу, люди вокруг интересные. Не гуляки, не пройдохи праздные. Нормальные человеческие глаза, простая содержательная русская речь. Смотрю я на людей, а сам радуюсь: как же долго моя душа искала вот такую компанию – стаю молчаливых собеседников! И я остался. Пусть всё, что здесь происходит, ненадолго, хочу надышаться человеческим кислородом. Даже сына привёл, как вы изволили заметить, пусть тоже подышит.

– А не страшно? Я имею в виду, за парня не страшновато? ОМОН с дубинками пойдёт – мало никому не покажется.

– Выведу как-нибудь. Не надо об этом. Перед глазами и так жена с крестом стоит, будто распять меня хочет!

– Так ведь, наверное, сама и отпустила. Не тайком же?

– Отпустила. Умница она...

– Простите, – улыбнулся молодой человек, сидящий неподалёку, – услышал обрывок разговора. Выходит, вы здесь как очарованный? Может, всё-таки классовое чутьё или ощущение историчности момента вас привели на баррикады? Сердце

це – такой ненадёжный орган! Как это поётся: «Сердечной тоскою подуло, фурункул на ж... надуло». Ха-ха! Вы меня не слушайте, мне просто весело. Так бывает перед самой смертью. Вот вы, – юноша обратился к усатому собеседнику, – вы смерть как-нибудь чувствуете?

Усач молча посмотрел в газа весельчаку.

– А я чувствую. Вот послушайте. Однажды сажусь в автобус, а у самого сердце не на месте. Какая-то анемия сердечной мышцы, что ли. И так-то мне нехорошо, будто эта анемия разливается по всему организму. Задышаться стал, чувствую – в автобусе душно, хоть святых выноси. Из последних сил протолкался обратно к выходу, буквально вывалился на остановку. Автобус тронулся. И что бы вы думали? Как рукой сняло. Вдруг слышу: за углом дома, куда повернул автобус, раздался страшный грохот. Я бегом туда. И вижу: автобус опрокинутый лежит на тротуаре, а над ним встал на задние колёса, как на дыбы, здоровенный бензовоз! Вот-вот рванёт. Автобус наполовину смят, бензовоз прямиком в середину ударил. Стёкла в салоне все повывлетали, и тишина. Только колёса в воздухе ещё крутятся...

– Ну. И что? – в один голос переспросили парня Артём и усач.

Молодой человек сдвинул брови и продолжил:

– Только я хотел подбежать к автобусу, бензовоз как жахнет! Последнее, что я запомнил, – пламя, жёлтое едкое пламя. Очнулся уже в больнице. Отбросило взрывной волной, и это спасло мне жизнь. Но сотрясение получил по полной.

Парень замолчал. Тиша прижался к отцу. Ему захотелось плакать, но он сдержался.

– Как-то невесело вы себя перед смертью почувствовали, юноша, не так ли? – прервал тишину усач.

– Да, невесело. Значит, не должно было мне умереть в тот раз. Так ведь раз на раз не приходится! – ответил парень, сладко потягиваясь.

– Типун тебе на язык! – буркнул усач и принялся за бутерброды.

Глава вторая. Молитва

Незаметно канули в героическую лету ещё несколько блокадных дней. Видно, революционное время «а ля Марселье-

за» движется несколько быстрее, чем неторопливое московское. Каждый вечер Артём уезжал на ночное дежурство к Белому дому. Дважды брал сына. На большее Вера была категорически не согласна.

Наступил вечер третьего октября. Семья сидела в молчании за ужином. Волна будущих обстоятельств материализовалась в реальное ощущение надвигающейся беды. Беда висела в воздухе и казалась неотвратимой.

Вдруг картинку в телевизоре сменили частотные полосы и пропал звук.

– Так, кажется, начинается, – глухо проговорил Артем, вставая из-за стола.

– Я тебя не пущу! – Вера встала между ним и дверью.

Молчание, как цветок, раскрыло свои бессловесные лепестки, захватив пространство прихожей.

– Вера, – подбирая слова, через минуту отозвался Артём, – выходит, мы с Тишкой ходили туда все эти дни зря? Покуражиться и поиграть в Парижскую коммуну? Как мне прикажешь жить дальше, когда все мои собеседники сейчас там?

– Я не знаю! – Вера глотала комья подступающего рыдания. – Не знаю ничего. Но тебе нельзя туда, понимаешь, Артёмка, нельзя!

– Папа, я с тобой! – Тиша вжался в живот отца. – Мама, нам надо!

Вера не выдержала, опустилась на табурет и зарыдала.

– Прости, не сдержалась. Тишу оставь... – с трудом выговорила она минуту спустя.

– Тихон, ты остаёшься с мамой, это приказ! – Артём отпустил руку сына, и тот зарылся в платок матери. Так щенок зарывается в сухую траву в минуту опасности.

Артём набросил на плечи пальто, рванул с крючка кепку и вышел за дверь.

– Артёмушка... – Вера поднялась, обняла Тишу и, по-бабьи подвывая, пошла к иконе.

– Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от

сети ловчи, и от словеси мятежна...

Она шелестела губами молитву, правой рукой непрерывно крестилась, а левой гладила голову сына.

– Тиша, Тишечка, молись за папу. Тяжесть выпала ему нынче, ох, тяжесть, не приведи Господь...

Артём прошёл постовых и через минуту оказался на Горбатом мосту, где расположился его взвод.

– Бруно сняли. Значит, вот-вот жди гостей, – недобро усмехнулся усач, качая головой.

– Константин Олегович, давайте ужинать! – улыбнулся молодой знаток приближающейся смерти. – Что б ни крошки врагу не досталось! Нам с вами ещё надо успеть переварить и, так сказать, увеличить количество заградительного биоматериала!

– Ну и репей же ты, Антошка! – улыбнулся в ответ усач. – На. У меня как раз для тебя два с сыром и один, хоть ты и не моряк, с сёмгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.